

Темушев В. Н.,

*кандидат исторических наук,
преподаватель*

НАЧАЛО СКЛАДЫВАНИЯ МОСКОВСКО-ЛИТОВСКОЙ ГРАНИЦЫ. БОРЬБА ЗА РЖЕВСКУЮ ЗЕМЛЮ

Складывание московско-литовской границы относится ко второй половине XIV — началу XV в., когда московские и литовские владения пришли в соприкосновение, поглотив разделявшие их более слабые русские княжества. В начале XV в. в силу ряда причин (внутренних неурядиц как в Великом княжестве Московском (далее ВКМ), так и в Великом княжестве Литовском (далее ВКЛ); борьбы за влияние в других регионах (Верховские княжества, северо-восточные русские княжества и Новгородская земля), временной переориентацией внешней политики на ликвидацию опасности со стороны Ордена, Большой орды и Казанского ханства) противостояние Москвы и Вильно отошло на второй план, а граница между двумя крупнейшими государствами Восточной Европы на долгое время стабилизировалась.

Долгое время московские и литовские владения не приходили в соприкосновение, когда, наконец, с середины XIV в. не разгорелась борьба за Ржевскую землю, обладавшую очень выгодным стратегическим положением, обеспечивавшим контроль истока Волги, с перспективой выхода к верховьям Западной Двины и Днепра. Ржевская земля занимала обширную территорию, охватывая верхневолжские озера и верховья Волги. Местоположение княжества открывало прямой доступ для Москвы к Литве и в то же время позволяло почти полностью блокировать литовско-тверские связи. Изначально Ржева служила одним из северных форпостов Смоленского княжества, прикрывая волжский путь со стороны Суздальщины [2, с. 64].

И природные богатства княжества были значительны: здесь находились великокняжеские пути и борта [9, с. 82]. В Ржеве были развиты ремесла и торговля, чему способствовала близость города к главной водной артерии Северо-Восточной Руси — Волге.

Часто переходившая во второй половине XIV — первой половине XV в. из рук в руки от Москвы к Вильно Ржевская земля первоначально не имела даже общих границ с московскими владениями, в то время как с запада и юго-запада к ней примыкали торопецкие и белские земли, являвшиеся частью ВКЛ. И все же в конце XIV в. Ржева закрепилась за Москвой, став частью удела серпуховского князя Владимира Андреевича Храброго, по сути специализировавшегося на обороне западных рубежей Московского княжества. Таким образом, в конце XIV в. определилась часть московско-литовской границы, окончательно сформировавшейся к середине XV в., когда был заключен «вечный» мир между ВКЛ и ВКМ (1449 г.), признавший Ржевскую землю подвластной московскому князю.

Постоянная военная опасность (даже псковичи, мстя новгородцам, умудрились в 1405 г. повоевать Ржеву) [15, с. 18, 197; 16, с. 19, 254] отразилась и на облике Ржевы: «град тои аще ли мал, но тверд, и велми приправы градский на нем велми много», — замечал современник инок Фома [8, с. 47]. Да и само

местоположение города было достаточно выгодным: город находился на высоком мысу при впадении р. Халынки в Волгу [5, с. 147]. Город был срублен, т. е. укреплен в 1408 г. [18, с. 83] Ржева, таким образом, включалась в оборонительный рубеж, направленный против ВКЛ.

В начале XIII в. Ржева (Ржевка) входила в состав Торопецкого княжества Мстислава Мстиславича Удалого. Под 1216 г. в летописях говорится о том, что «князь Святославъ оселъ бе городець Ржевку Мъстиславль съ полки» [17, с. 120; 23, с. 153], т. е. Ржева называется городом Мстислава.

В начале XIV в. существовало особое Ржевское княжество. Известен его князь Федор Ржевский (М. К. Любавский называет его Федором Федоровичем [9, с. 81]), в 1314 г. посланный московским князем Юрием Даниловичем в Новгород, чтобы свести великокняжеских наместников (Михаила Тверского) [17, с. 186; 11, с. 335]. Что характерно, новгородцы держались стороны московского князя и вместе с князем Федором вышли к Волге против тверского князя Дмитрия Михайловича.

«Стояша же ту 6 недель, даже до замороза», пока не был заключен мир «на всей воли Новгородской», а в Новгород на престол сел Юрий Данилович с братом Афанасием [17, с. 186; 11, с. 335]. В следующем году князь Афанасий вместе с князем Федором Ржевским был вынужден при отсутствии старшего брата, вызванного в Орду, отстаивать новгородский престол. Из Орды вернулся князь Михаил и тут же «со всею землею Низовскою и с Татараы» двинулся к Торжку, где его уже 6 недель поджидали новгородские силы [11, с. 336]. (Летописец сознательно не называет его великим князем, хотя Михаил Тверской занимал владимирский престол и не только имел титул великого князя, но и по праву должен был занимать новгородский престол). Бой около Торжка был проигран новоторжцами и новгородцами. Затворившимся в городе новгородцам Михаил Тверской предложил мир в случае выдачи князей Афанасия и Федора Ржевского. В конце концов тверской князь согласился на одного Федора Ржевского, заключил мир, взяв с Новгорода «5 темь гривень серебра», но затем «по миру» схватил и князя Афанасия, и новгородских бояр, а остальных людей стал продавать [11, с. 336]. Тверскому князю, наконец, удалось посадить своих наместников в Новгород, но ненадолго. Уже в следующем году они были изгнаны [11, с. 337].

Служа Москве, князь Федор Ржевский, вероятно, успел потерять свои владения. Если в 1335 г. часть ржевских городков названа литовскими, то возможно, в начале XIV в. литовское проникновение в волжские верховья уже началось. Вероятно также мнение, что ржевские земли на время вернулись под власть смоленских князей [6, с. 150].

В 30-е гг. XIV в. в политическом плане сильнейшими государствами Восточной Европы были ВКМ, ВКЛ и Новгородская республика. За ними стояла Золотая Орда, успешно манипулировавшая русскими князьями и до поры до времени контролировавшая политическую жизнь всего региона. При этом полное доверие и одобрение в действиях со стороны Орды получал московский князь. Талантливый политик московский князь Иван Данилович Калита сумел, лавируя между интересами нескольких государств, значительно увеличить свое влияние в русских землях. В его подчинении находились все «низовские» (по новгородской терминологии) князья, и сам Новгород вынужден был уступать притязаниям московского правителя, который в ка-

честве владимирского великого князя считал новгородские земли своей вотчиной.

Придя в 1332 г. из Орды, Иван Калита потребовал от Новгорода дополнительной дани для Орды («прося у них серебра закамское») [11, с. 344]. После отказа новгородцев, московский князь «за то взя у Новгородцевъ Тръжокъ и Бежецкй Верхъ» [19, с. 206]. Далее Иван Калита осуществил мощное политическое давление на Новгород. Прежде всего он пошел на династический союз с литовскими князьями, женив сына Семена на литовской княжне Айгусте, в крещении получившей имя Анастасии [17, с. 204; 22, с. 54]. После этого Иван Данилович пришел с войском в Торжок «со всеми князи низовскими» [11, с. 345], свел своих наместников из Новгорода и фактически развязал войну против республики («воюючи волость Новгородскую») [17, с. 204], будучи при этом уверенным, что помощи новгородцам ждать неоткуда — литовцев связывал династический союз. Не имея сил противостоять коалиции Ивана Калиты, новгородцы поспешили с челобитьем к московскому князю. Но Калита не принял новгородских послов и уехал из Торжка. Сам новгородский архиепископ отправился вдогонку за Иваном Калитой, предлагал московскому князю в Переяславле 500 рублей, но Иван Калита вновь новгородцев «не послуша» [11, с. 345; 25, с. 87]. По возвращению в Новгород, архиепископ Василий тут же отправился в Псков, чего не бывало уже 7 лет. Новгород стремился срочно укрепить свое положение. В Пскове скрывался тверской князь Александр Михайлович, в 1327 г. примкнувший к антитатарскому народному восстанию.

Выступление Новгорода против Орды становилось очевидным. Это и отказ от выплаты дани с части своих владений, и союз с пособником врагов Орды Псковом (псковичи приняли владыку «с великою честью», и он крестил сына тверского князя Михаила [11, с. 345; 19, с. 206]). Почувствовав политическую конъюнктуру, к новгородцам обратился литовский князь Наримант Гедиминович. Вскоре он «приеха» в Новгород «на пригороды, что ему ркли въ Литве» [17, с. 203; 19, с. 206]. (В. Н. Татищев пишет о том, что новгородцы сами позвали литовского князя («позван новгородцами») и «прияша его с радостью» [25, с. 87]). Литовский князь получил «Ладогу, и Ореховыи, и Корельскыи, и Корельскую землю, и половину Копорья в отчину и в днину, и его детям» [11, с. 345]. Фраза летописца «что ему ркли въ Литве» намекала на события 1331 г. Тогда, шедший на поставление в архиепископы из Новгорода в Волынскую землю (где в это время был митрополит Феогност [11, с. 343; 19, с. 203; 23, с. 141]), Григорий Калика (после пострижения Василий) [11, с. 342—343] вместе с несколькими боярами был «на миру» схвачен Гедимином и вынужден пообещать сыну литовского князя Нариманту новгородские пригороды «въ вотчину и в днину и его детямъ» [17, с. 203; 23, с. 233]. Союз Новгорода с Литвой был, таким образом, вынужденным.

Впрочем, и отношения с Псковом не могли быть безоблачными. Еще совсем недавно (1331 г.) псковичи («възнесшеся высокоумиємъ своимъ») со своим князем Александром Михайловичем, поддержанные литовскими князьями, стремились избрать своего архиепископа (Арсения), отправив весьма представительную делегацию к митрополиту [11, с. 343; 23, с. 233]. «Арсений жид со Псковичи» был посрамлен митрополитом и возвратился ни с чем [23, с. 233].

Нового же новгородского архиепископа пытались схватить литовцы, он едва откупился от разбойного киевского князя Федора и едва добрался до Новгорода [21, с. 141; 23, с. 233—234]. (Причем по замечанию Никоновской летописи с архиепископом было 600 человек. И их терроризировал князь Федор, который был с баскаком и малой дружиной всего лишь в 50 человек [19, с. 205]). Таким образом, отношения с изменившим Псковом, в котором сидел, нарушая традицию и крестное целование к Новгороду «из Литовские руки» [11, с. 343; 23, с. 233] тверской князь, были напряженными.

Итак, в 1333 г. сложилась коалиция (Новгород, Псков, Литва), которой противостояла Орда и зависимые от нее русские князья. Но противоречия Новгорода и Пскова оказались неразрешимы. (Уже в 1335 г. новгородцы хотели идти вместе с Иваном Калитой «и со всею Низовскою землею» на псковичей, но московский князь повел с новгородцами «по любви речь» и отложил поход [11, с. 346]). Видимо, и союз с Литвой был не в новгородских интересах. В 1334 г. архиепископ Василий ездил к митрополиту во Владимир [11, с. 346], а последний, очевидно, повлиял на Ивана Калиту, который, вернувшись из Орды, принял новгородских послов и «взяша миръ по старине» [17, с. 204; 19, с. 207]. Видимо, не случайно, новгородский архиепископ еще раз отправился во Владимир к митрополиту Феогносту «со многими дары и съ честію» [19, с. 207]. Еще одна политическая сила восстановила на время равновесие на политической арене Восточной Европы. (Более вероятно другое объяснение действий Ивана Калиты. Московского князя, очевидно, полностью контролировал хан Узбек, который во время войны с Новгородом прислал «по великого князя Ивана Даниловича» своего посла, призывая первого к себе [19, с. 206]. Проинструктированный московский князь, вернувшись в Москву, действовал по отношению к Новгороду более миролюбиво. Видимо, Орда оценив рвение Калиты по выколачиванию дополнительной дани с новгородцев, посчитала ее излишней, так как тенденции союза Новгорода и Литвы были не в татарских интересах). Князь Наримант вынужден был уйти в Литву (правда, оставив за собой кормление) [30, 90—91], а Иван Калита «иде въ Новгородъ на столъ» [17, с. 204].

В Восточной Европе накануне первого военного столкновения ВКМ и ВКЛ сложилась новая политическая ситуация. Возобновился неизбежный союз Москвы и Новгорода, которому противостояли Псков и Вильно. Политическое противостояние вскоре нашло свое отражение в военных действиях. Не смотря на существование мирного договора Новгорода и Литвы, в 1335 г. «воеваша Литва Новоторжскую волость на миру» [11, с. 347]. Московский князь, довольно долгое время уже находившийся в Новгороде, к моменту нападения литовцев как раз прибыл в Торжок. (Интересно сочетание летописных событий. Иван Данилович прибыл в Торжок, литовцы воевали Новоторжскую волость, великий князь сжег литовские городки [19, с. 207; 23, с. 233]. Возможно, Литва имела какие-то территориальные притязания к части новгородских земель. Торжок (Новый Торг) находился в совместном управлении Новгорода и Владимира, и можно предположить, что к 1335 г. часть доходов с этого города и его волости стала поступать в ВКЛ. Своим приездом Иван Калита прекратил эти поступления, чем и вызвал военную активность литовцев). Иван Калита собрал из новгородцев войско и «пожже городке Литовьскыи Осечень и Рясну и иных городковъ много» [11, с. 347]. (При

этом Никоновская летопись добавляет, что «убиша тогда Литва много мужей добрыхъ Новгородцкихъ» [19, с. 207]. Это замечание свидетельствует о том, что войско Иван Калита набирал именно из новгородцев. Интересно поведение великого князя после описанного события. Вскоре в Москву были вызваны знатнейшие люди Новгорода («князь великий позва владыку к собе на Москву на честь, и посадника и тысяцкого и вятших бояръ»). «И владыка Василии ездивъ, и чести великои много видиль», — добавляет летописец. Очевидно, Иван Калита рассматривал новгородские земли в качестве своей вотчины, а военную помощь новгородцев воспринял с благодарностью.

Осечен и Рясна, а также неупомянутые «литовские городки», относились к Ржевской земле, правда, сам город Ржева, возможно, либо не принадлежал еще тогда ВКЛ, либо не подвергся нападению.

Продолжить список «литовских городков», центров волостей, тянувших к Ржеве помогает грамота литовского князя Ольгерда к патриарху Филофею 1371 г. В ответ на жалобу митрополита Алексея на Ольгерда, литовский великий князь предъявляет свои претензии как русскому митрополиту, так и, очевидно, стоявшему за его спиной московскому правителю. Так, Ольгерд упрекает своих противников, что они «против своего крестнаго целованія, взяли у меня города: Ржеву, Сишку, Гудинъ, Осечень, Горышено, Рясну, Луки Великія, Кличень, Вселукъ, Волго, Козлово, Липицу, Тесов, Хлепень, Фоминъ городокъ, Березуескъ, Калугу, Мценескъ» [13, стб. 136—138]. О литовской принадлежности перечисленных городов свидетельствует также такой, по сути, политический документ, как обзор «А се имена градом всем русским, далним и ближним», составленный в конце XIV в. (По мнению М. Н. Тихомирова — между 1387 и 1392 г., Е. П. Наумова — между 1394 и 1396 г., В. Л. Янина — между 1375 и 1381 г. [10, с. 155; 30, с. 67]). В разделе списка городов «А се Литовьскыи...» названы между прочими следующие города: «...Пуста Ржова, на Волге, Мелечя, Селукъ, Въсвято, Зижеч, Ерусалимъ, Ржищевъ, Белобережье, Самара, Броницаревъ, Осечень, Рясна, Туръ, Копорья на Порозе, Карачевъ, Торуса, Тудъ, Сижка, Горышонъ, Луки» [11, с. 476]. Под Пустой Ржевой, по замечанию М. Н. Тихомирова, поддержанному Л. В. Яниным, скрывается Ржева на Волге, так как новгородская Ржева упоминается, как и следует, среди «Залеских городов» [26, с. 225; 30, с. 62—63]. Из двух списков литовских городов к Ржеве относились: Сишка (Сижка), Гудин (Туд), Осечен, Горышено (Горышон), Рясна, Луки Великие (Луки) (Здесь речь идет скорее всего не о новгородских Великих Луках), Кличень, Вселук (Селук), Волго, Торуса. Все перечисленные топонимы в последующем (в документах XV—XVI вв.) стали известны в качестве ржевских волостей [6, с. 158].

Первый захват Литвой непосредственно Ржевы необходимо, видимо, датировать 1356 г. Летом этого года «Сижского сынъ Иван седеет съ Литвою во Ржеве» [22, с. 66]. Таким образом, один из удельных ржевских князей (Сижка — одна из волостей Ржевской земли), уже лишившийся своих владений (его не называют самого Сижским князем, а всего лишь сыном Сижского князя), был посажен в Ржеву с помощью литовской силы. Но летом 1358 г. войска Волока Ламского (или Твери) и Можайска отбили ранее захваченную литовцами Ржеву (В Никоновской летописи: «Того же лета [1358 г. — В. Т.] Тверская рать да Можайская взяша Ржеву, а Литву изгнаша» [19, с. 230]. В

Рогожском летописце: «Того же лета [1358 г. — В. Т.] Волотьская рать да Можайская взяли Ржевою, а Литвою выслали вонъ» [22, с. 68]).

С середины XIV в. литовские владения постепенно приближаются к московским. В 1359 г. «Смольняне воевали Белоую» [22, с. 68], следовательно, к этому времени город Белая был уже в составе ВКЛ, причем, как видно из летописной заметки, отвоевать Смоленскому княжеству свои бывшие владения не удалось. В ответ в том же году великий князь литовский Ольгерд напал на Смоленск, захватил Мстиславль («а Литвою свою въ немъ посадилъ»), а затем зимой послал сына Андрея на Ржеву и вновь отвоевал ее [22, с. 68]. Видимо, литовский правитель стремился основательно закрепить в таком стратегически важном пункте, как Ржева, поэтому в 1360 г. сам приезжал «Ржевы смотрит[ь]» [22, с. 69].

ВКЛ действительно довольно долго удерживало верховья Волги и даже стало развивать экспансию из этого региона. В 1368 г. Андрей Ольгердович Полоцкий, очевидно, из Ржевы напал на близлежащие тверские волости Хорвач и Родню [22, с. 81]. Сразу же за литовским нападением последовал поход серпуховского удельного князя Владимира Андреевича на Ржеву и захват ее [22, с. 81]. Через восемь лет опять тот же князь Владимир Андреевич пытался завоевать для Москвы Ржеву, но неудачно [22, с. 100]. Следовательно, до 1376 г. город вновь перешел к ВКЛ. По мнению В. А. Кучкина, это произошло до лета 1372 г. [6, с. 152; 7, с. 76, 91—93]. В 1390 г. согласно летописной заметке Ржева вместе с Волоком Ламским была передана великим князем Василием Дмитриевичем в удел все тому же Владимиру Андреевичу [22, с. 128]. (До нас дошел договор между Василием I и Владимиром Андреевичем Серпуховским, в котором серпуховский князь жаловался Волоком и Ржевой с волостями [3, № 13, с. 37]. Великий князь московский не был уверен в обладании Ржевой, а потому внес в договор специальную статью, оговаривавшую случай потери города: «А ци какимъ деломъ отоймется от тебе Ржева, а дати ми тебе во Ржевы место Ярополчъ и Медуши. А искать ны Ржевы, а тебе с нами с одного; а найдем Ржеву, и Ржева тебе, а волости наши нам» [3, № 13, с. 38; 9, с. 81]). Как доказал В. А. Кучкин, вновь в руках Москвы Ржева оказалась до 1386 г., а скорее всего в 1381—1382 гг., когда великим князем литовским на время стал Кейстут — сторонник дружеских отношений с Москвой [6, с. 152]. Существование московско-литовского договора, относящегося ко времени правления в Литве Кейстута (1381—1382 гг.), видно из анализа мирного договора 31 августа 1449 г. между Василием II Темным и Казимиром IV. Московско-литовское соглашение 1381 или 1382 г. касалось непосредственно ржевских земель и регулировало отношения московской и литовской сторон в регионе, на то время являвшимся единственным местом соприкосновения московских и литовских владений. По мнению

В. А. Кучкина, переход Ржевы к Москве был «следствием тех изменений сил в Восточной Европе, которые вызвала победа Дмитрия Донского над Мамаем в битве на Куликовом поле» [6, с. 152].

Однако не все ржевские волости стали московскими. Как следует из упомянутого договора 1449 г. волость Осуга осталась в правлении волостелей великого князя Кейстута («А которых места волостили веда[ли] Осугу пры великом князи Кестуты, и твоим волостелемъ по тому ж ведати, а мне, великому князю Василью, не вступатисе» [3, № 53, с. 160—161]). Территория воло-

сти, очевидно, занимала пространство вдоль реки Осуги, впадающей в Вазузу очень близко от впадения последней в Волгу. Восточным соседом волости неизбежно были владения Фоминско-Березуйского княжества.

Ржева находилась в составе Московского княжества до конца XIV в. В 1399 г., вероятно, благодаря деятельности Орды, перед которой возникла опасность со стороны сил Витовта и изгнанного с сарайского престола Тохтамыша, «съединишася Русстии князи вси за единь» [22, с. 133]. (Авторское мнение, отраженное в данной статье не согласуется с утверждением В. А. Кучкина, считавшего, что опасность со стороны Витовта и ордынского экс-хана Тохтамыша грозила русским князьям). Тогда же московский и тверской великие князья Василий Дмитриевич и Михаил Александрович «покрепиша миру» [22, с. 133]. (Как убедительно доказал В. А. Кучкин, московско-тверской договор был заключен между 10 февраля и 12 августа 1399 г. [6, с. 153]). Первым же действием объединения русских князей было объявление войны Витовту («Того же лета послаша князи Русстии грамоты разметныи к Витовту») [22, с. 133]. И вот вскоре, 12 августа в битве на р. Ворскле, Витовт с Тохтамышем были разгромлены ордынским «царем» Темир-Кутлум [22, с. 133]...

Чтобы привлечь к союзу извечного московского врага и литовского союзника тверского великого князя Михаила Александровича, московский великий князь Василий Дмитриевич, несомненно, должен был пойти на определенные уступки. Основываясь на ряде источников, В. А. Кучкин доказал, что такой уступкой были ржевские земли [6, с. 153]. Таким образом, в 1399 г. Ржева стала тверским владением и вскоре была завещана Михаилом Тверским старшему сыну Ивану [15, с. 388; 16, с. 252].

В тверской власти Ржева побыла недолго. Уже в начале XV в. ей распоряжались как своим владением московские князья. По договору между великим князем московским Василием Дмитриевичем и удельным князем серпуховским Владимиром Андреевичем Волок Ламский и Ржева со своими волостями вновь переходили к старшему московскому князю, побывав до этого в руках серпуховского князя [3, № 16, с. 43]. Согласно различным мнениям договор был заключен в 1401—1402 гг. или к лету 1404 г. [29, с. 68—69; 6, с. 155]. Таким образом, до этих возможных дат по неизвестной причине Тверь лишилась Ржевы.

В 1408 г. на сторону Москвы перешел младший сын Ольгерда Свидригайло — противник великого литовского князя Витовта. Василий Дмитриевич, получавший козырь в борьбе с ВКЛ, предоставил Свидригайло наместничества во многих землях Московской Руси (Владимире, Переславле, Юрьеве Польском, Волоке Ламском), отдав ему и Ржеву [20, с. 204].

Но недолго владел литовский княжич Ржевой. Вскоре Василий I пожаловал ею (вместе с Волоком) Владимира Андреевича, обязанного организовывать оборону западных границ Москвы [12, с. 224], однако вскоре взял Ржеву обратно и отдал ее младшему брату Константину [24, с. 513] (По мнению С. Герберштейна, именно с того времени за Ржевой надолго сохранилось название Володимеровой, в память о владении ею Владимиром Серпуховским [1, с. 329]). В 1419 г. Василий I отнял у Константина его вотчину, но в 1425 г. уже Василий II опять присоединил Ржеву к владениям младшего сына Дмитрия Донского [3, № 34, с. 87]. В 1433 г. князь Константин

умер, и в 1434 г. Ржева в качестве награды за помощь Василию II перешла к Дмитрию Шемяке.

Вскоре (в 1435 г.) новгородцы совершили поход на Ржеву, погромив ее земли «и казниша ржевиць, и села вся пожгоша по Ръжеве, по плесковьскыи рубежь...» [11, с. 418] Василий II вынужден был начать переговоры о разделе захваченных еще в конце XIV в. земель Бежецкого Верха, Волоколамска, Вологды [28, с. 764]. Правда, когда пришло время «отвода» земель (в 1436 г.), великий князь своих бояр с комиссией не прислал, «ни отцини Новгородчкои нигде же новгородцом не отведе, ни исправы не учини» [11, с. 418]. В отместку новгородцы в том же году пошли войной на ржевичей, «своих данщиков, а они не почаша дани давати новгородцем» [15, с. 210; 16, с. 29]. После этого сами же москвичи, ссылаясь на отказ новгородцев платить «черный бор», разорвали мирные отношения с Новгородом (в 1440—1441 гг.) [28, с. 770].

Таким образом, долгое время Ржевская земля принадлежала московским удельным князьям, пока в конце 1446 г. снова не была отдана тверскому великому князю.

Передача тверскому великому князю Ржевы связана с событиями так называемой феодальной войны в России второй четверти XV в. Ослепленный галичским князем Дмитрием Шемякой, московский великий князь Василий II решил продолжить борьбу за престол, бежал из вологодской ссылки в Тверь и попросил помощи у тверского великого князя Бориса Александровича, пообещав ему за это Ржеву (между прочим, владение Дмитрия Шемяки) [22, с. 469]. Князь Борис приказал Шемяке «ступити великого княжения и великому князю Василию отдати» [8, с. 44], причем в то же время хлопотал, чтобы галицкий узурпатор «пошел въ свою отчину и да оттоле билъ челомъ брату моему» [8, с. 45]. Намерения тверского правителя, очевидно, были следующими: он желал установления в Москве власти слабого Василия Темного, связанного тем более с родственными узами с тверским княжеским домом и оставить у Дмитрия Шемяки его удел, обеспечивая тем самым политическое равновесие в Северо-Восточной Руси. Впрочем, план князя Бориса провалился, так как ни Шемяка не желал смириться с положением простого удельного князя, ни Василий II не успокоился, полностью не уничтожив своего противника.

25 декабря 1446 г. в Москву вошли отряд Василия II и тверская рать [27, с. 81] и, таким образом, над всем великим княжеством Московским установилась уже окончательно власть Василия Темного. Тверской великий князь мог пользоваться плодами своей политической победы, прежде всего, получив от Василия II город Ржеву (Василий Темный «князю великому Борису Александровичу далъ Ржеву» [22, с. 469]), тверскую «прадедину», которую «досягли были наши братиа, великие князи московские» [8, с. 54].

Однако оказалось, что ржевичи не намерены подчиниться тверской власти. Только после 3-недельной осады и бомбардировки города пушками они сдались накануне Великого поста (20 февраля) 1447 г. [22, с. 469].

И литовский правитель Казимир не прочь был завладеть Ржевой, тем более, что в ней, очевидно, засели его сторонники. 28 января 1448 г. литовцы «крамолюю и советом ржевским» [20, с. 52] заняли Ржеву [22, с. 469], и тверичи тщетно пытались ее отбить. (Захват был осуществлен со стороны Бельского княжества, так как тверских наместников изгнал воевода князя Ивана

Бельского Ярославко [8, с. 52]. В Тверской летописи события носят иной характер: Великий князь Борис Александрович со своей княгиней зимой приехали в Ржеву и оттуда их изгнал «Ляхъ Станиславъ», при этом пленив тверского наместника и много тверичей. При этом тверской великий князь с женой бежали в Опоки). Обе стороны собирали войска, назревала война. Сам король и великий князь Казимир IV выступил в поход. Против него выдвинулись великий князь тверской Борис Александрович и Можайский князь Иван Андреевич [8, с. 52]. «Слышавъ сие король» начал «межи себя послы ссылати» и прешел к заключению мира, при этом «Ржевы отступися король великому князю Борису» [8, с. 52]. Сохранился текст перемирной грамоты 1449 г. великого князя Бориса Тверского с королем Казимиром, в которой регулируются пограничные отношения между Великим княжеством Тверским и ВКЛ [3, № 54, с. 163—164; 31, № 141, с. 258—259].

Впрочем, Ржева удержалась в руках тверского правителя недолго. 31 августа 1449 г. был оформлен союз Казимира и Василия Темного [3, № 53, с. 160—163]. В договоре великий князь московский вел себя так, как если бы он не уступал Ржеву Твери, а литовский великий князь — как если бы он не отнял этот город у Бориса Александровича. Статья соглашения о невмешательстве («не въступатисе») в дела Ржевы [3, № 53, с. 160; 31, № 78, с. 132, № 136, с. 252] давала Москве возможность включить этот город в состав своих владений, не опасаясь санкций со стороны Литвы [4, с. 309—310]. И уже в 1462 г. своим завещанием Василий Темный присоединил Ржеву к уделу четвертого сына Бориса [3, № 61, с. 193—199]. После смерти в 1494 г. Бориса Волоцкого Ржевский удел был поделен на две половины, правую и левую, соответственно берегам Волги [3, № 81, с. 321, № 88, с. 352; 5, с. 147]. До 1526 г. Ржева оставалась уделом, а после стала управляться московскими наместниками, потеряв свое бывшее значение, так как и московско-литовская граница отодвинулась дальше на запад.

Сложная, насыщенная событиями борьба за обладание Ржевской землей, очень ярко иллюстрирует начальный этап становления московско-литовской границы. Закрепив за собой Ржевскую землю, Москва обеспечила прочную основу для развития дальнейшей экспансии и сделала значительный шаг на пути объединения русских земель.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.
2. Голубовский П.В. История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895.
3. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950.

4. Ключ Э. Княжество Тверское (1247—1485). Тверь, 1994.
5. Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984.
6. Кучкин В. А. К изучению процесса централизации в Восточной Европе (Ржева и ее волости в XIV—XV вв.) // История СССР. 1984. № 6.
7. Кучкин В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва: Сб. ст. М., 1980.
8. Лихачев Н. П. «Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче» // Памятники древней письменности и искусства. 1908. Вып. № 168.

9. Любавский М. К. Образование основной государственной территории великорусской народности (заселение и объединение Центра). Л., 1929.
10. Наумов Е. П. К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних» // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974.
11. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.
12. Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв. Ч. 2. М., 1953.
13. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1: Памятники XI—XV вв. // Русская историческая библиотека. Т. 6. Спб., 1880. № 24.
14. Полное собрание русских летописей. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. Т. 1. М., 1962.
15. Полное собрание русских летописей. Новгородская четвертая летопись. Т. 4. Ч. 1. М., 2000.
16. Полное собрание русских летописей. Софийская 1-я летопись. Т. 5. Спб., 1856.
17. Полное собрание русских летописей. Летопись по Воскресенскому списку. Т. 7. М., 2001.
18. Полное собрание русских летописей. Летопись по Воскресенскому списку. Т. 8. М., 2001.
19. Полное собрание русских летописей. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Т. 10. М., 2000.
20. Полное собрание русских летописей. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Т. 11. М., 2000.
21. Полное собрание русских летописей. Ермолинская летопись. Т. 23. Спб., 1910.
22. Русские летописи. Рогожский летописец. Тверская летопись. Т. 6. Рязань, 2000.
23. Русские летописи. Московский летописный свод конца XV в. Т. 8. Рязань, 2000.
24. Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 2. Т. 4. М., 1993.
25. Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. 5, 6. М., 1996.
26. Тихомиров М. Н. «Список русских городов дальних и ближних» // Исторические записки. Т. 40. 1952.
27. Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950.
28. Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства. М., 1960.
29. Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XVI вв. Ч. 1. М., 1948.
30. Янин В. Л. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII—XV веков. М., 1998.
31. Lietuvos Metrika — Lithuanian Metrica — Литовская Метрика. V., 1993. Кн. 5: (1427—1506). № 141.